

УДК 347.53
ББК 67.404.219

DOI: 10.25683/VOLBI.2019.48.369

Комарова Анастасия Владиславовна,
Adjunct of the Department of the Training of Scientific
and Scientific-Pedagogical Personnel,
Moscow University of V. Ya. Kikotya,
Moscow,
e-mail: anastasia1991-30@mail.ru

Комарова Анастасия Владиславовна,
адъюнкт факультета подготовки научных
инаучно-педагогических кадров,
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,
Москва,
e-mail: anastasia1991-30@mail.ru

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОЙ КОНЦЕПЦИИ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

MISUSE OF THE RIGHT IN THE CIVIL LAW RELATIONS: ISSUES OF FORMATION OF THE UNITED CONCEPT OF DETECTION AND COUNTERACTION

12.00.07 – Корпоративное право; конкурентное право; энергетическое право
12.00.07 – Civil law; business law; family law; international private law

Статья посвящена проблеме формирования единой концепции выявления и противодействия злоупотреблению правом в гражданских правоотношениях. Методологической основой исследования выступают общеправовые (материалистический и диалектический), общенаучные (логический, системно-структурный, аксеологический), специальные (структурно-юридический, формально-юридический) методы. Автор обращает внимание на существующие в цивилистической науке направления и точки зрения, обосновывающие концепцию злоупотребления правом с позиции ее содержания и типичных признаков, обосновывает, что гражданское законодательство, запрещая осуществление прав определенными способами, которые причиняют или могут причинить вред третьим лицам, использует при этом оценочные понятия, не позволяющие с необходимой степенью четкости определить правомерность того или иного действия. Осуществлен комплексный анализ теоретической конструкции злоупотребления правом и судебной практики, сформулирован итоговый вывод о том, что типичными признаками злоупотребления правом в гражданских правоотношениях, на основе которых возможно их выявление и противодействие таковым, являются аффилированность участников сделки, согласованность действий в целях получения необоснованных льгот и преимуществ, «реализация права» лицом, не имеющим на то надлежащего правового основания, использование правовых конструкций с целью получения необоснованной имущественной выгоды, но не для реализации права или защитного механизма. Указанные признаки имеют практическое значение, поскольку служат для выявления схем злоупотребления правом в судебной и иной правоприменительной практике. Теоретическое значение их состоит в развитии концепции злоупотребления правом на примере гражданских правоотношений, где сам термин «злоупотребление правом» имеет легальное закрепление, а реализация соответствующих схем в правоприменительной практике влечет за собой конкретные неблагоприятные последствия.

The article is devoted to the problem of formation of the united concept of detecting and counteracting the misuse of the right in civil law relations. The methodological

basis of the research is general philosophical (materialistic and dialectical), general scientific (logical, system-structural, axological), special (structural-legal, formal-legal) methods. The author draws attention to the directions and points of view existing in civil science, substantiating the concept of abuse of law from the point of view of its content and typical features, justifies that civil law, prohibiting the exercise of rights in certain ways that cause or may cause harm to third parties, at the same time, he uses evaluation concepts that do not allow to determine the legitimacy of an action with the necessary degree of clarity. A comprehensive analysis of the theoretical structure of abuse of law and judicial practice was carried out, a final conclusion was formulated that the typical signs of abuse of law in civil matters, on the basis of which they can be identified and counteracted as such, are the affiliation of the parties to the transaction, consistency actions in order to obtain unjustified benefits and advantages, the «realization of the right» by a person without proper legal basis, the use of legal constructions in order to unjustified property benefit, but not for the impletion rights or defense mechanism. These signs are of practical importance, since they serve to identify schemes for the abuse of law in judicial and other law enforcement practice. Their theoretical significance lies in the development of the concept of abuse of law by the example of civil law relations, where the term «abuse of law» by itself has legal affirmation, and the implementation of relevant schemes in law enforcement practice entails specific adverse consequences.

Ключевые слова: злоупотребление, право, гражданский, правоотношение, концепция, выявление, противодействие, судебный, практика, признак, реализация, использование.

Keywords: misuse, law, civil, right-relation, concept, detection, counteraction, judicial, practice, sign, implementation, use.

Введение

Актуальность рассматриваемой проблемы определяется тем, что современное гражданское законодательство основано на принципе добросовестности и предполагает, что все участники гражданских правоотношений осуществляют гражданские права по своему усмотрению.

Однако такое усмотрение нередко переходит границы дозволенного и влечет за собой злоупотребление правами. Предупреждая такие проявления, законодатель формирует защитные механизмы для участников гражданских правоотношений: речь идет, в первую очередь, о п. 1 ст. 10 ГК РФ, которая содержит примерный перечень форм злоупотреблений правом, в целом запрещает недобросовестное поведение при реализации гражданских прав.

Таким образом, нормы гражданского права запрещают осуществление прав теми способами, которые причиняют или могут причинить вред третьим лицам. Однако при этом используются оценочные понятия, не позволяющие с необходимой степенью четкости определить правомерность того или иного действия. Наука гражданского права, в свою очередь, не позволяет сформировать универсального понятия злоупотребления правом, определить признаки такого злоупотребления и его основные виды. Отсутствие единой теоретической концепции препятствует выявлению и противодействию фактам злоупотребления правом в гражданских правоотношениях и актуализирует научные исследования в данной сфере.

Проблема злоупотребления правом в целом достаточно предметно изучена в научной литературе, ей посвящены, в частности, труды таких ученых, как О. Н. Бармина, Ю. Ф. Беспалов, Л. З. Двалишвили, Т. П. Подшивалов и др. Вместе с тем, несмотря на определенную **степень изученности** проблемы, остается открытым вопрос о характерных чертах и признаках, позволяющих безошибочно установить факт злоупотребления правом в гражданских правоотношениях, что, в свою очередь, свидетельствует о **целесообразности** разработки темы.

Научная новизна исследования состоит в выделении автором типичных признаков злоупотребления правом в гражданских правоотношениях, которые дополняют теоретическую конструкцию «злоупотребления правом», а также служат ориентиром для выявления и противодействия фактам злоупотребления правом.

Цель исследования состоит в выделении и обосновании типичных признаков злоупотребления правом применительно к сфере гражданских правоотношений. **Задачи** исследования заключаются в последовательном анализе существующих в науке точек зрения относительно сущности и содержания механизма злоупотребления правом в гражданских правоотношениях, изучении материалов судебной практики по гражданским делам с целью выделения и обоснования типичных признаков злоупотребления правом.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии концепции злоупотребления правом на примере гражданских правоотношений. **Практическая значимость** работы состоит в разработке критериев, позволяющих установить факт злоупотребления правом в гражданских правоотношениях, в рамках которых соответствующий термин имеет легальное закрепление, а установление факта злоупотребления правом влечет за собой неблагоприятные последствия для участников гражданского оборота.

Основная часть

Методология: цели и задачи исследования обуславливают выбор и применение общеправовых (материалистический и диалектический), общенаучных (логический, системно-структурный, аксеологический), специальных (структурно-юридический, формально-юридический)

методов. Для выработки унифицированного понимания признаков поведения, образующего состав злоупотребления правом в гражданских правоотношениях, первоначально анализируются существующие в цивилистической науке направления и точки зрения, обосновывающие концепцию злоупотребления правом, далее производится последовательное изучение судебной практики, в материалах которой находят свою реализацию нормы о злоупотреблении правом.

Основная часть

Результаты: обоснование теоретической концепции злоупотребления правом с позиции ее содержания и типичных признаков в цивилистической науке представлено несколькими направлениями и точками зрения. В частности, Д. Г. Бачурин отмечает, что под категорию злоупотребления правом может подпадать только деяние, совершенное умышленно, более того — с прямым умыслом, и характеризующееся направленностью на удовлетворение личных интересов, а также прямым или косвенным умыслом на причинение вреда [1, с. 21]. Вместе с тем не до конца понятно, что следует понимать под «личными интересами», как соотносятся эти интересы с правовыми возможностями, предоставляемыми субъекту права в гражданских правоотношениях, а также всегда ли косвенный умысел, предполагающий сознательное недопущение неблагоприятных последствий для иных участников правоотношений, не будет представлять собой злоупотребления правом. Несколько более предметное высказывание касательно состава злоупотребления правом находим у Л. З. Двалишвили, по мнению которого злоупотребление правом есть разновидность гражданского деликта, совершаемого лицом умышленно, непосредственно при осуществлении им принадлежащего ему права с использованием недозволенных конкретных форм в рамках предусмотренной законом общей модели поведения [2, с. 39]. Здесь видим, что факт злоупотребления гражданским правом связан с любым виновным, то есть необязательно умышленным, действием, совершаемым при наличии у лица правовых оснований для реализации конкретного права, однако в то же время связан с использованием этого права в неких «недозволенных формах». Остается открытым вопрос о том, как правовая возможность, находящая основание в законе, может быть использована в формах, не предусмотренных последним.

В данном контексте нельзя не упомянуть позицию Е. С. Ефремова, который полагает, что злоупотребление правом представляет собой такой из способов реализации права, который по своей сущности и содержанию противоречит его природе и назначению, наносит вред охраняемым законом интересам личности, общества, государства [3, с. 26]. Хотя, как отмечает автор, злоупотребление не всегда может быть связано с убытками, возникает резонный вопрос о необходимости существования самостоятельной категории злоупотребления, если в сложившихся правовых условиях любые действия, образующие его состав, подпадают под общую категорию гражданского правонарушения с наступлением соответствующих неблагоприятных последствий.

На преодоление возникшего противоречия отчасти направлена классификация форм злоупотребления правом, предложенная О. Н. Барминой и В. А. Кодоловым, по мнению которых, в зависимости от способа осуществления

злоупотребление выражается в четырех видах противоправного поведения: шикана (реализация права с намерением причинить вред другому лицу), действия, совершаемые в нарушение закона с противоправной целью, использование гражданских прав для ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке, иное недобросовестное осуществление гражданских прав [4, с. 56]. Такая классификация, как нам представляется, скорее является простым перечислением различных форм злоупотреблений, имеющих в правоприменительной практике, и не может быть использована как универсальная, хотя бы ввиду открытого перечисления видов злоупотреблений.

Единственная универсальная характеристика злоупотребления правом, относительно наличия которой в науке не встречается возражений, представляет собой наличие самого права, используемого уполномоченным лицом «во зло», то есть с причинением ущерба третьим лицам. Относительно характера такого ущерба и в целом вызываемых злоупотреблением правом неблагоприятных последствий вместе с тем отсутствует целостное понимание. Так, отмечается, что злоупотребление приводит к ущемлению и нарушению прав или законных интересов иных лиц и причинению им вреда или, по крайней мере, к угрозе причинения значительного ущерба, носит «вредоносный характер» [5, с. 41]. Вред, наносимый недобросовестным поведением, связывается с применением недозволенных форм реализации права в рамках дозволенной модели поведения [6, с. 92]. Встречается и более радикальная позиция, согласно которой злоупотребление правом в гражданских правоотношениях всегда является гражданским правонарушением и представляет собой самостоятельную, специфическую форму нарушения принципа осуществления гражданских прав в соответствии с их социальным назначением [7, с. 12].

В конструкции злоупотребления вместе с тем выделяются цели поведения субъекта, механизм реализации состава злоупотребления и лишь затем — правовые последствия в виде причинения ущерба или иного рода [8, с. 206]. С позиции содержания поведения субъекта злоупотребление состоит в использовании права не по назначению, что уже в виде последствий влечет за собой ущемление или нарушение прав и законных интересов иных лиц [9, с. 54; 10, с. 71]. Обусловливается такое поведение, в свою очередь, «пороками цели» [11, с. 17], то есть особенностями мотивации субъекта, изначально не базирующейся на принципе добросовестности [12, с. 80; 13, с. 34] и положительной нравственной оценке прогнозируемых результатов поступка.

Учитывая отсутствие определенности в толковании конструкции злоупотребления правом в цивилистической науке, представляет интерес толкование термина «злоупотребление правом» в судебной практике. Так, согласно одному из подходов, который можно обозначить как подход с позиции юридической обязанности [14, с. 15], злоупотребление правом имеет место в случае, когда субъект нарушает правовую норму, являющуюся основанием для предоставления ему права, посредством неисполнения юридической обязанности, корреспондирующей такому праву [15, с. 117; 16]. В данном случае обращается внимание на то, что назначение субъективного права состоит в предоставлении уполномоченному субъекту юридически гарантированной возможности удовлетворять потребности, не нарушая при этом интересов третьих лиц (контрагентов, государства).

Полярная позиция предполагает, что злоупотребление субъективным правом оценивается с учетом любых негативных последствий, явившихся прямым или косвенным результатом «осуществления» этого права [17]. При таком подходе под злоупотреблением субъективным правом следует понимать любые негативные последствия, явившиеся прямым или косвенным результатом осуществления субъективного права. К одному из них относится материальный вред, который подразумевает всякое умаление материального блага.

Наконец, третий, «субъективный» подход предполагает, что злоупотребление правом может быть вызвано такими действиями лица, которые ставили другую сторону в положение, когда она не могла реализовать свои права [18]. Иными словами, факт злоупотребления также оценивается по последствиям, однако для его признания последствия должны быть не просто негативными и являться прямым или косвенным результатом «осуществления» соответствующего права, но препятствовать другому лицу в реализации его права.

Злоупотребление правом всегда предполагает использование соответствующего права не по назначению. В одном из показательных примеров сделка должника, совершенная до возбуждения дела о банкротстве, была признана недействительной, поскольку была направлена на нарушение прав и законных интересов кредиторов, иными словами, представляла собой злоупотребление правом [19].

В вопросах доказательства факта злоупотребления при банкротстве отмечаются такие факторы, как аффилированность кредиторов, знание о платежеспособности должника, наличие цели в виде неправомерного получения выгод от введения процедур банкротства [20]. Как видно, конструкция злоупотребления правом применяется к отношениям, которые не имеют под собой надлежащего правового основания, не обеспечены юридическими фактами, позволяющими задействовать такой защитный механизм, как обращение в суд с целью признания должника банкротом. Напротив, заинтересованное лицо использует правую возможность, не являясь носителем права, то есть правовая конструкция используется с целью получения необоснованной выгоды, но не для реализации права или защитного механизма.

Схожее обоснование применения норм о злоупотреблении правом встречаем в правоотношениях по организации закупок товаров, выполнения работ и оказания услуг для государственных нужд. Установление обстоятельств, свидетельствующих о согласованном манипулировании ценами на торгах, является основанием для применения ст. 10 ГК РФ о злоупотреблении правом и применении последствий в виде признания торгов недействительными [21]. В данном случае под злоупотреблением также понимается использование правовых возможностей лицами, не обладающими необходимым правовым статусом, реализующими набор прав и обязанностей, необоснованно приобретенных ими посредством согласованных неправомерных действий.

Особый интерес представляет применение конструкции злоупотребления правом в гражданских правоотношениях, когда речь идет о злоупотреблении конструкцией юридического лица, в частности когда такое юридическое лицо является номинальным, создано без цели осуществления самостоятельной деятельности, дня выполнения

функций посредника между реальной организацией и лицом, аккумулирующим ее активы, для обслуживания реального юридического лица.

Выводы. Судебная практика позволяет выделить базовые критерии, с помощью которых можно отграничить злоупотребление правом в гражданских правоотношениях от иных форм недобросовестного поведения, которые не соответствуют какому-либо из конкретных признаков состава злоупотребления. Изученные материалы судебных решений обращают внимание на такие обстоятельства, как: нарушение правовой нормы, являющейся основанием для предоставления права, посредством неисполнения юридической обязанности, корреспондирующей такому праву; наличие негативных последствий, явившихся прямым или косвенным результатом «осуществления» права; совершение действий, которые ставят другую сторону в положение, когда она не могла реализовать свои права.

Заключение

Таким образом, для злоупотребления правом в гражданских правоотношениях характерны общие признаки теоретической конструкции злоупотребления, к которым можно отнести использование права не по назначению, искусственное создание правоотношения или имитация правоотношения исключительно в целях получения

определенных льгот и преимуществ либо освобождения от возложенных обязанностей, использование инструментов защиты прав лица вопреки интересам этого же лица либо напрямую с целью причинения вреда, извлечение выгоды из противоправного поведения другого лица или своего собственного неправомерного поведения. Анализ судебной практики позволяет выделить особенные типичные признаки злоупотребления правом в гражданских правоотношениях, к числу которых относятся аффилированность участников сделки, согласованность действий в целях получения необоснованных льгот и преимуществ, «реализация права» лицом, не имеющим на то надлежащего правового основания, использование правовых конструкций с целью получения необоснованной имущественной выгоды, но не для реализации права или защитного механизма. Указанные признаки имеют практическое значение, поскольку служат для выявления схем злоупотребления правом в судебной и иной правоприменительной практике. Теоретическое значение их состоит в развитии концепции злоупотребления правом на примере гражданских правоотношений, где сам термин «злоупотребление правом» имеет легальное закрепление, а реализация соответствующих схем в правоприменительной практике влечет за собой конкретные неблагоприятные последствия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бачурин Д. Г. Доктринальная концепция запрета злоупотребления правом в сфере налогообложения добавленной стоимости // *Налоги*. 2018. № 6. С. 20–23.
2. Двалишвили Л. З. К вопросу о признаках и видах злоупотребления правом: анализ российской и немецкой судебной практики // *Мировой судья*. 2018. № 12. С. 39–54.
3. Ефремова Е. С. К вопросу о злоупотреблении правом на списание налоговой задолженности при отсутствии имущества должника // *Судья*. 2018. № 6. С. 26–34.
4. Кодолов В. А., Бармина О. Н. К вопросу о структуре злоупотреблений правом // *Российская юстиция*. 2014. № 2. С. 55–60.
5. Пишина С. Г. Толкование завещания как способ противодействия злоупотреблению правом в наследственных правоотношениях // *Нотариус*. 2018. № 7. С. 41–44.
6. Гаврилов Э. П. О злоупотреблении правом: случай из практики // *Хозяйство и право*. 2018. № 4. С. 92–96.
7. Подшивалов Т. П. Злоупотребление корпоративными правами: участие в гражданском обороте номинальных и операционных юридических лиц // *Российская юстиция*. 2014. № 12. С. 12–16.
8. Ситкарева Е. В., Гудович С. С. Третейское разбирательство как инструмент злоупотребления правом в деле о банкротстве // *Третейский суд*. 2018. № 3/4. С. 206–212.
9. Степкин С. П. Проблемы злоупотребления правом при реализации права граждан на обращения // *Российский юридический журнал*. 2019. № 1. С. 54–67.
10. Егорова М. А. Злоупотребление доминирующим положением как частный случай злоупотребления правом // *Lex russica*. 2018. № 4. С. 70–80.
11. Галифанов Г. Г., Галифанов Р. Г. К вопросу о недобросовестной конкуренции и злоупотреблении правом // *ИС. Промышленная собственность*. 2018. № 1. С. 17–32.
12. Антонов В. Ф. Содержательная характеристика злоупотребления правом // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 1. С. 80–84.
13. Момотов В. В. Злоупотребление правом: теория и практика противодействия в страховых правоотношениях // *Мировой судья*. 2017. № 11. С. 33–40.
14. Соломин С. К. К вопросу о сущности злоупотребления гражданскими правами // *Право и экономика*. 2017. № 6. С. 15–22.
15. Прозванченков А. В., Шахбазов Р. А. Юридическая природа злоупотребления правом в международных частноправовых отношениях // *Ленинградский юридический журнал*. 2016. № 3. С. 117–123.
16. Определение Верховного Суда РФ от 30 марта 2018 г. № 305-ЭС17-19041 (1, 2) по делу № А40-231052/2015.
17. Определение Верховного Суда РФ от 14 июня 2016 г. № 52-КГ16-4.
18. Определение Верховного Суда РФ от 03 февраля 2015 г. № 32-КГ14-17.
19. Постановление Президиума ВАС РФ от 24 июня 2014 г. № 3894/14 по делу № А36-408/2013.
20. Постановление Президиума ВАС РФ от 13 мая 2017 г. № 18256/17 по делу № А57-37387/2017.
21. Постановление Президиума ВАС РФ от 11 февраля 2014 г. № 13846/13 по делу № А19-2903/10-58.

REFERENCES

1. Bachurin D. G. Doctrinal concept of prohibition of misuse of the right in the area of taxation of VAT. *Taxes*, 2018, no. 6, pp. 20–23. (In Russ.).
2. Dvalishvili L. Z. To the issue of signs and types of misuse of the right: analysis of Russian and German court practice. *Justice of the peace*, 2018, no. 12, pp. 39–54. (In Russ.).
3. Efremova E. S. To the issue of misuse of the right for the write-off of tax liabilities in case of absence of the debtor property. *Judge*, 2018, no. 6, pp. 26–34. (In Russ.).
4. Kodolov V. A., Barmina O. N. To the issue of structure of the right misuse. *Russian justice*, 2014, no. 2, pp. 55–60. (In Russ.).
5. Pishina S. G. Intertpretation of the last will as the method of counteraction to the misuse of the right in the hereditary legal relations. *Notary*, 2018, no. 7, pp. 41–44. (In Russ.).
6. Gavrilov E. P. On misuse of the right: case study. *Economy and law*, 2018, no. 4, pp. 92–96. (In Russ.).
7. Podshivalov T. P. Misuse of corporate rights: participation in the civil turnover of nominal and operational legal entities. *Russian justice*, 2014, no. 12, pp. 12–16. (In Russ.).
8. Sitkareva E. V., Gudovich S. S. Arbitral proceedings as a tool of the right misuse in the case of bankruptcy. *Tribunal of arbitration*, 2018, no. 3/4, pp. 206–212. (In Russ.).
9. Stepkin S. P. Problem of the right misuse during implementation the citizens rights for appeal. *Russian legal journal*, 2019, no. 1, pp. 54–67. (In Russ.).
10. Egorova M. A. Misuse of the dominant position as the special case of the right misuse. *Lex russica*, 2018, no. 4, pp. 70–80. (In Russ.).
11. Galifanov G. G., Galifanov R. G. To the issue of unfair competition and the right misuse. *IS. Industrial property*, 2018, no. 1, pp. 17–32. (In Russ.).
12. Antonov V. F. Informative characteristic of the right misuse. *Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2018, no. 1, pp. 80–84. (In Russ.).
13. Momotov V. V. Misuse of the right: theory and practice of counteraction in the insurance relations. *Justice of the peace*, 2017, no. 11, pp. 33–40. (In Russ.).
14. Solomin S. K. To the issue of essence of civil rights misuse. *Law and economics*, 2017, no. 6, pp. 15–22. (In Russ.).
15. Prozvanchenkov A. V., Shakhbazov R. A. Legal nature of the right misuse in the international private legal relations. *Leningrad legal journal*, 2016, no. 3, pp. 117–123. (In Russ.).
16. Determination of the RF Supreme Court dated March 30, 2018 No. 305-ES17-19041 (1, 2) for case No. A40-231052/2015. (In Russ.).
17. Determination of the RF Supreme Court dated June 14, 2016 No. 52-KG16-4. (In Russ.).
18. Determination of the RF Supreme Court dated February 03, 2015 No. 32-KG14-17. (In Russ.).
19. Decree of the Presidium of the RF Supreme Court of Arbitration dated June 24, 2014 No. 3894/14 for case No. A36-408/2013. (In Russ.).
20. Decree of the Presidium of the RF Supreme Court of Arbitration dated Mat 13, 2017 No. 18256/17 for case No. A57-37387/2017. (In Russ.).
21. Decree of the Presidium of the RF Supreme Court of Arbitration dated February 11, 2014. No. 13846/13 for case No. A19-2903/10-58. (In Russ.).

Как цитировать статью: Комарова А. В. Злоупотребление правом в гражданских правоотношениях: проблемы формирования единой концепции выявления и противодействия // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 3 (48). С. 290–294. DOI: 10.25683/VOLBI.2019.48.369.

For citation: Komarova A. V. Misuse of the right in the civil law relations: issues of formation of the united concept of detection and counteraction. *Business. Education. Law*, 2019, no. 3, pp. 290–294. DOI: 10.25683/VOLBI.2019.48.369.